

Роберт Ирвин Говард

# Не рой мне могилу



# Роберт Ирвин Говард Не рой мне могилу

*OCR Денис*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=154237](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154237)*

*Роберт Говард. Гонимые смерти: Северо-Запад; Минск; 1998*

*ISBN 5-7906-0050-0*

*Оригинал: RobertHoward, "Dig Me No Grave"*

*Перевод:*

*М. Н. Николаев*

# Содержание

# Роберт Говард

## Не рой мне могилу

\* \* \*

Грохот старинной дверной колотушки зловещим эхом разнесся по дому, прервав мой тревожный, полный смутных кошмаров сон. Скинув влажную простыню, я подошел к окну и выглянул. Едва взошедшая луна бросала слабый свет на бледное лицо моего друга, Джона Конрада.

– Ты позволишь мне подняться, Кирован? – Голос его дрожал от внутреннего напряжения.

– Разумеется!

Натянув халат, я поспешил навстречу, слыша, как хлопнула входная дверь и скрипят ступени лестницы, ведущей наверх. Мгновение, и Джон уже стоял передо мной. Я зажег свет и увидел, что его руки нервно подрагивают, а лицо бледнее мела.

– Час назад умер старый Джон Гримлен, – отрывисто вымолвил Конрад.

– Неужели? Мне не было известно, что он болел.

Я не мог скрыть удивления: Гримлен казался крепким стариком.

– У него был приступ какой-то необычной болезни, по

внешним признакам напоминающий эпилепсию. В последние годы он был подвержен подобным приступам, а последний оказался смертельным, – продолжал Джон.

Я только кивнул. Я бывал в огромном старом доме на холме и был знаком с хозяином, особо не жалуящим посетителей и живущим отшельником. Однажды мне случилось быть свидетелем одного из припадков его странной болезни. Старик корчился в страшных судорогах, выл и катался по полу, не переставая изрыгать жуткие проклятия. Богохульствовал он до тех пор, пока голос не перехватил спазм и на губах запузырилась пена. Зрелище было столь мерзкое и ужасающее, что стало понятным, отчего наши предки считали этих несчастных людьми, одержимыми дьяволом.

– ...Видимо, наследственному дефекту, – не замечая, что я отвлекся, продолжал Конрад. – Такое иногда случается – отвратительный недуг, поразивший в давние времена одного из предков Старого Джона, несомненно, передался ему как врожденный порок. Хотя известно и другое. В свои молодые годы Джон много путешествовал по разным таинственным уголкам планеты, в том числе объездил весь Восток. И вполне мог заразиться какой-либо редкой болезнью во время странствий. Современная наука еще мало знакома с таинственными заболеваниями, встречающимися в глубинах черной Африки и на Востоке.

– Все это очень интересно, но вряд ли твой неожиданный визит, да еще в столь поздний час, ведь уже за полночь, вы-

зван необходимостью обсудить причины, вызвавшие смерть Старого Джона.

Мое замечание смутило Конрада.

– Видишь ли, – он замялся, подбирая слова, – дело в том, что обстоятельства сложились так, что я был единственным, кого терпел старый отшельник. Он решительно отказался от врачей и запретил вызывать священника. Так что Джон Гримлен умирал, по сути, в одиночестве, довольствуясь только моим присутствием. Честно говоря, когда стало ясно, что пробил его последний час, и он умирает, я готов был, невзирая на протесты, отправиться за помощью. Но старик разразился такими горячими мольбами не оставлять его умирать одного, он так причитал и выл, что я не выдержал и покорился судьбе.

Тыльной стороной ладони он смахнул крупные капли пота со лба и тихо добавил:

– Мне довелось не раз видеть, как умирают мужчины. Смерть всегда страшна. Но кончина Гримлена просто потрясла меня...

– Старик очень страдал?

– Похоже, не физические страдания, как бы они ни были сильны, заставили его испытывать нечеловеческие муки. Здесь явно была задета психика. Надо было видеть эти широко открытые глаза, переполненные невыносимым ужасом. А чудовищные вопли и сейчас звучат в моих ушах. Поверь, Кирован, то, что происходило с Гримленом, было не похо-

же на обычный страх человека перед неведомым, вечно ждущим нас за пределами жизни.

Темный смысл откровений моего друга сжал мое сердце предчувствием небывалых бед. Я беспокойно переступил с ноги на ногу, ощущая неприятный холодок, пробежавший по спине.

– Ты же знаешь, наши местные жители всегда уверяли: Джон Гримлен давным-давно продал душу дьяволу. Подтверждением считались его внезапные приступы эпилепсии – внешний признак одержимости Сатаной. Подобные пережитки характерны для средневековья, но и современный обыватель легко поддается подобным домыслам. Тем более что старик своим поведением, безусловно, их подтверждал. Старый Джон вел злую и порочную жизнь. Никто не в состоянии вспомнить ни единого доброго поступка этого человека. По этим причинам его повсеместно избегали и боялись. Только ты, Конрад, мог считаться его единственным другом. Что вас связывало?

– Странная это была дружба, – задумчиво проговорил он, – ведь, несмотря на свою необузданную натуру, Джон Гримлен был широко образованным и очень знающим человеком. Меня привлекала его неординарность. Причиной нашей первой встречи послужило мое увлечение оккультными знаниями. А старик был глубоко погружен в тайны подобных исследований, и его достижения в этой области меня крайне заинтересовали.

Конрад устало опустил ся на стул и продолжил:

– Надо сказать, Гримлен и здесь был злокозненным извращенцем, как и во всем прочем. Белая сторона магии его совершенно не занимала. Его вниманием владели лишь темные и зловещие грани – дьяволопоклонники, вуду и спиритизм. Но в познании различных гнусных ремесел и темных наук он достиг колоссальных успехов. Не раз я испытывал ужас и брезгливое отвращение – сродни тем, что вызывают ядовитые рептилии, – слушая его рассказы о проведенных опытах и его собственных достижениях. На кое-что он лишь намекал, но этого было достаточно, чтобы понять: не было бездны мрака, в которую его бы не тянуло, и куда бы он не погружался. Поверь, Кирован, при свете яркого дня, да еще в приятной компании рационально мыслящих людей, легко смеяться над байками о потустороннем мире. Другое дело – оказаться среди глубокой ночи наедине с Джоном Гримленом в его необычной библиотеке, рассматривая старинные тома и диковинные вещицы и слушая жуткие истории хозяйина, как довелось мне, – тут не до иронии. Не раз язык буквально присыхал к гортани от охватившего ужаса, сверхъестественное казалось весьма реальным и близким, а существующий мир лишь иллюзией.

Мой приятель замолчал, погружившись в воспоминания. Пауза затягивалась, и я воскликнул, не в силах унять растущее напряжение.

– Бог мой! Ты наконец перейдешь к делу? Я-то тебе за-



чем?

– Прошу тебя пойти со мной в дом Джона Гримлена. Он отдал странные распоряжения по поводу собственных бранных останков. Я хочу, чтобы ты был рядом и помог мне.

Я молча стал одеваться, внутренне содрогаясь от охвативших меня предчувствий и не испытывая ни малейшей склонности к предстоящей аванюре. Через минуту я был готов и поспешил вслед за Конрадом. Мы шли к особняку Старого Джона по пустынной дороге, петляющей по холму. Путь вел все время вверх, и мрачный дом на фоне яркого звездного неба нависал черной глыбой, похожей очертаниями на хищную птицу. Тусклая красная полоса дрожала на западе, за низкими темными холмами, куда только что опустился лунный серп. Нечто мрачное и тягостное ощущалось в теплом воздухе. Ночь, казалось, наполнилась злом. Мои нервы дрожали, как натянутые струны, от непрерывного шороха крыльев летучих мышей где-то над головой. Стараясь заглушить гулкие удары сердца, я спросил:

– Большинство знакомых считало Гримлена сумасшедшим. Ты так не считаешь?

Конрад ответил с некоторой неохотой, да и то не сразу, а пройдя несколько шагов:

– Я счел бы его самым здравомыслящим человеком на свете, если бы не один случай. Однажды я засиделся у него в кабинете допоздна, слушая несколько часов кряду рассуждения хозяина о его любимом предмете – черной магии.

Неожиданно он вскочил в крайнем возбуждении и заорал со зловещим блеском в глазах. В тот момент мне показалось, что он переступил границы рассудка. Старик метался по комнате, расшвыривая книги, безделушки, и беспрерывно вопил: «Тебя еще не утомил этот детский лепет, все эти ритуалы вуду, сионистские жертвоприношения, сказки о пернатых змеях, безрогих козах и культе черного леопарда? Ха! К чему вся эта грязь и пыль, разносимая ветром! Ничтожная пена на пути к истинно Неведомому, к постижению его глубоких тайн! Это только жалкие раскаты эха Бездн! Мне ведомо такое, что стоит заговорить – и твои куриные мозги взорвутся, не в силах вместить услышанное. Я могу произнести имена, и звук их иссушит человека своим обжигающим дыханием. А что тебе известно о Йог-Сототе, о Катулосе<sup>1</sup> и погруженных городах? Даже в ваши мифологии не включено ни одно из этих имен. И никогда в твоих убогих сновидениях не возвысятся черные циклопические стены града Кот, и тебя не овеет ядовитое дыхание бурь Югота<sup>2</sup>! Не бойся, дуновение моей Черной мудрости не уничтожит тебя. Твой инфантильный разум просто не в состоянии вместить хоть крупицу моих знаний. Доведись тебе прожить столько же, сколько мне, ты бы увидел, как гибнут целые цар-

---

<sup>1</sup> «Катулос» – в русскоязычном изложении Cthulhu Mythos традиционным является написание «Ктулху» (прим. LX)

<sup>2</sup> «Югот» – в русскоязычном изложении Cthulhu Mythos традиционным является написание «Юггот» (прим. LX)

ства и уходят в ничто поколения, и мог бы собрать спелые зерна темных тайн столетий...»

Гримлен неистовствовал, черты его лица исказило безумие, он словно утратил человеческий облик. Вдруг он заметил мою явную растерянность и смущение, остановился и разразился ужасным гнусавым смехом.

«О боги! – В его голосе неожиданно появился странный акцент. – Никак малыш перепугался! Неудивительно, ведь нагой дикарь более умудрен в обычаях сей жизни, чем ты, играющий в ученость. Олух царя небесного, ты древнего мужа полагаешь за старца! Да поделись я с тобою знакомством с поколениями людей, коих мне довелось узреть, ты помрешь на месте от изумления...»

Конрад запнулся, но, совладав с собой, продолжал:

– Мне не стыдно признаться – я трусливо сбежал. Я испытал такое потрясение и ужас, что смог остановиться, лишь когда мои легкие готовы были разорваться, колени подгибались, а перед глазами поплыли цветные пятна. В ушах все еще отдавался визгливый дьявольский смех, несшийся из дома на холме ... Прошло несколько дней, и я получил письмо, в котором Гримлен откровенно, более чем откровенно, ссылался на избыток лекарств и приносил извинения за свое поведение. После некоторых колебаний я решил восстановить наши отношения, хотя и не поверил в причину, указанную в письме.

– Мне кажется это безрассудным, – не сдержавшись, бурк-

нул я.

– Да, – неохотно согласился Конрад. – Но ответь мне, Кирван, встречался ли тебе хоть один человек, знакомый с Джоном Гримленом в юности?

Я отрицательно покачал головой.

– Я осторожно навел о нем справки, приложив немало усилий, – продолжил Конрад. – Гримлен прожил здесь около двадцати лет, если не считать нескольких таинственных исчезновений на два-три месяца. Знаешь, что утверждают старые жители, которые хорошо помнят, как впервые здесь появился Старый Джон? Когда он приехал и поселился в доме на холме, он выглядел так же, как сейчас. То есть за прошедшие годы он вряд ли заметно постарел и до самой своей смерти выглядел пятидесятилетним мужчиной. Вернее, казался. Будучи в Вене, я встретился со старым фон Боэнком. И стал расспрашивать о Гримлене, узнав, что они были знакомы в те времена, когда юный фон Боэнк учился в Берлине. По его словам, тогда Гримлен выглядел лет на пятьдесят, и он страшно удивился, что тот еще жив.

Понимая, к чему клонит разговор мой приятель, я не сдержался и изумленно воскликнул:

– Ерунда! В преклонном возрасте люди часто путают имена и даты, а профессору фон Боэнку уже за восемьдесят, и он, скорее всего, ошибается, принимая за Гримлена кого-то другого.

Я старался говорить уверенным тоном и в то же время

чувствовал, как холодеют руки и вздыбливаются волоски на шее.

– Все может быть, – повел плечами Конрад. – Мы у цели – вот и его дом.

Жалобно простонал ветер в ветвях растущих неподалеку деревьев, заставив вздрогнуть, чуть слышно прошелестели крылья летучей мыши. Дом угрожающе навис над нами, когда мы приблизились к парадной двери. Повернулся ключ в протестующе скрипнувшем старинном замке, мы вошли, и на нас тут же потянуло холодным сквозняком, несущим затхлый запах склепа.

В доме не было ни газовых светильников, ни электричества, поэтому по темным коридорам мы пробирались практически на ощупь. Лишь очутившись в кабинете, Конрад зажег свечу, а я огляделся, подспудно ожидая неприятных сюрпризов. Но в комнате, увешанной гобеленами и уставленной причудливой мебелью, никого не было, конечно не считая нас двоих.

– Где... где тело? – В горле у меня пересохло, и я спрашивал внезапно осипшим голосом.

Глубокая тишина и таинственная атмосфера дома завораживали.

– Наверху, – почти прошептал Конрад. – На втором этаже в библиотеке. Он там и умер.

Невольно я поднял глаза. Там, высоко над нашими головами, безмолвно лежал одинокий хозяин этого мрачного до-

ма, распростертый в последнем сне, с побелевшим лицом, застывшим в ухмыляющейся маске смерти. Я пытался взять себя в руки, борясь с охватившей меня паникой. Снова и снова, как испуганный ребенок, повторял я себе: наверху только остывший труп, труп старого злодея, который никому уже не в силах навредить. Немного успокоившись, я повернулся к Конраду. Он как раз вынимал из кармана конверт, пожелтевший от времени.

– Смотри, здесь заключена последняя воля Джона Гримлена, – показал Конрад несколько плотно исписанных страниц тонко выделанного пергамента, извлеченных из конверта. – Как давно было это написано, думаю, известно лишь Господу Богу. Я получил конверт от Старого Джона десять лет назад, когда он вернулся из путешествия по Монголии. Первый приступ случился с ним вскоре после этого.

Джон взял с меня клятву, что я буду хранить конверт запечатанным, тщательно спрятав, и не вскрою до момента его смерти. Теперь мне следует прочесть его записки и в точности следовать содержащимся здесь указаниям. Было еще одно условие: невзирая на любые его заверения и просьбы, ни в коем случае в дальнейшем не отдавать конверт и действовать, как было оговорено. «Ибо плоть слаба, – заключил Гримлен, когда вручил мне конверт, неприятно улыбаясь, – и даже я могу смалодушничать, поддавшись искушению отменить распоряжения. Наверняка суть дела навсегда останется вне твоего понимания, но ты поклялся и изволь

выполнить обещанное...»

Испарина покрыла лоб Конрада, но он не замечал этого.

– Говори! – взмолился я.

– Несколько часов назад, – продолжал Джон, – когда начался последний приступ и он метался на постели в предсмертной агонии, его обуял непередаваемый ужас. Корчась то ли от страха, то ли от жестокой боли, он беспрестанно молил меня принести этот конверт и уничтожить его, не вскрывая. Лихорадочные просьбы перемежались бессловесным мычанием, затем нечеловеческим усилием он приподнялся на локтях и завопил, выпучив глаза: «Принеси конверт!» Я держался, хотя волосы мои стали дыбом, а кровь стыла в жилах. Он продолжал бесноваться, бредя и беспрерывно воя. И вдруг почти спокойно попросил, чтобы я разрубил его тело на части, сжег и развеял на четырех небесных ветрах. Господи, я сам уже был на грани сумасшествия.

Конрад замолчал, заново переживая случившееся.

– Я все время помнил указания десятилетней давности и твердо стоял на своем. Но наконец я сдался. Невыносимое отчаяние, сквозившее в воплях старика, заставило меня изменить клятве. И я решил сходить за конвертом, хотя при этом пришлось бы оставить умирающего одного. Но стоило мне повернуться, как последний ужасный крик застыл на покрытых пузырящейся кровавой пеной перекошенных губах, умирающий содрогнулся, и душа покинула изломанное тело.

Пергамент зашуршал в его дрожащих руках.

– Свое обещание я сдержу. Я дал слово и выполню все, что здесь сказано, даже если указания кажутся плодом большого воображения или капризом выжившего из ума старца. Следуя им, необходимо поместить труп на большой стол черного дерева, стоящий в библиотеке, разместив вокруг семь зажженных свечей черного воска. В доме все двери и окна должны быть закрыты и крепко заперты на засовы. Потом, в предрассветной мгле, мне придется прочесть формулу или заклинание, которые находятся в конверте меньшего размера, внутри первого. Что там, я не знаю, поскольку еще не вскрывал его. Вот вкратце и все.

– Как все? – изумился я. – Гримлен должен был распорядиться и насчет состояния, поместья... И наконец, как поступить с его захоронением. Неужели в пергаменте этого нет?

– Нет. Завещание хранится у нотариуса. Я был свидетелем при составлении и знаю, что он все – и поместье, и состояние – оставил некому Малику Тоусу, его восточному партнеру, как я понял.

– Как, Малику Тоусу?! – Потрясенный до глубины души, я перешел на крик. – Тебе ли, изучающему восточные верования, не знать, кто это. Боже милосердный, очнись, Конрад, это очередное безумие. Ни одного смертного не могут называть именем Малик Тоус. Вспомни, это титул злобного божества из далекой Азии. В таинственной пустыне, затерянная в ее глубинах, есть Проклятая гора – Аламаут, и веками



высытятся там Восемь Медных Башен, выстроенных загадочными йедзеями. Они поклоняются этому злему богу и его символу – медному фазану. Их соседи-мусульмане ненавидят этих дьяволопоклонников, справедливо считая, что Малик Тоус – одно из имен истинного Сатаны и суть его – все-ленское зло, как у Князя тьмы Аримана или Старого Змея Сета. Ты утверждаешь, что именно его, этого мифического демона, упоминает Джон Гримлен в своем завещании?

– Все верно. – Конрад кивнул и протянул мне пергамент: – Взгляни.

Ему трудно было говорить, так пересохло в горле. И я прочел нацарапанные в уголке конверта странные слова: «Не рой мне могилу, она мне не понадобится». Повеяло замогильным холодом, озноб охватил меня снова.

– Во имя Господа! – сказал я тихо. – Нам нужно поскорее покончить с этим дьявольским делом.

– Согласен, но прежде нам не помешает выпить, – облизывая пересохшие губы, заметил Конрад, направляясь к одному из шкафчиков. – По-моему, вино где-то здесь.

Наклонившись, он с некоторым усилием открыл резную дверцу красного дерева.

– Я, кажется, перепутал, Гримлен брал напитки не отсюда. – Лицо Конрада разочарованно сморщилось. – Никогда ранее я так не нуждался в глотке хереса... А это что?

Он извлек из шкафчика пыльный свиток пергамента, почти неразличимый под слоем паутины. Стряхнув грязь, Ко-

нрад стал разворачивать пожелтевшую кожу. Таинственная и волнующая атмосфера этого мрачного дома целиком захватила меня, в ожидании новых загадок я склонился над плечом моего спутника, рассматривая старинные буквы.

– Мы нашли «родословную пэра», – пояснил Конрад. – С шестнадцатого века, а в некоторых старых семьях и ранее, было принято отмечать хронику рождений, смертей и других знаменательных событий.

– И кто был основателем фамилии? – поинтересовался я.

Сдвинув брови, Конрад старательно изучал выцветшие буквы, разбираясь в затейливых каракулях архаичного почерка.

– Г-р-и-м... сообразил – естественно, Гримлен. Мы держим в руках родословную семьи Старого Джона. Изначально они владели поместьем «Жабье болото» в Суффолке – странноватое название для поместья. А вот и последняя запись.

Я прочел вместе с ним: «Джон Гримлен, появился на свет 10 марта 1630 года от Р.Х.». Далее следовала новая строка, выполненная странным корявым почерком: «Умер 10 марта 1930 года» – и стояла печать красного воска – необычный знак, изображающий распустившего хвост фазана. У нас одновременно вырвался короткий вскрик, и мы молча уставились друг на друга. Пламя свечи отбрасывало тени на мгновенно заострившиеся черты моего друга. Я старался игнорировать крадущийся по шее холодок. Меня охватила волна

бешенства, когда мне показалось, что наступило озарение, и я проник в дурацкий замысел старого безумца.

– Ничтожный фигляр, он думал напугать нас подобными шутками, – выпалил я. – Актер переиграл сам себя в этой столь тщательно продуманной безумной постановке! Явно ему не хватало вкуса – огромное количество трюков свело на нет весь невероятный замысел. И в результате драма иллюзий превратилась в скучнейшую и пошлую пьеску.

Хотелось бы мне иметь ту уверенность, с которой я все это произносил. Конрад молча направился к лестнице, поманив меня рукой и взяв большую свечу со стола красного дерева.

– Мне не хватило мужества справиться с этим жутким делом в одиночку, – прошептал он, – я рад, что ты здесь.

Мы стали подниматься по лестнице дома, сам воздух в котором, казалось, вибрировал в безмолвном ужасе. В тяжелых бархатных портьерах прошелестел невесть откуда взявшийся легкий ветерок. Воображение услужливо нарисовало картинку: из-за раздвинутых когтистыми пальцами штор на нас неотрывно смотрят злобные красные глазки. И тут же мне почудился где-то над нами звук тяжеловесных шагов, но оказалось, что это глухим барабаном стучит мое сердце.

Ступени привели в широкий темный коридор. Слабое пламя свечи выхватывало наши бледные лица, похожие на скорбные маски в окружающем нас мире теней. Добравшись до массивной двери библиотеки, Конрад остановился. Настраивая себя физически и морально на решительные дей-

ствия, он несколько раз глубоко вдохнул и с шумом выпустил воздух через приоткрытые губы. У меня кулаки были стиснуты с такой силой, что ногти больно впились в ладонь. Конрад решительным толчком распахнул дверь и ошеломленно застыл. Онемевшие пальцы выпустили свечу, и пламя ее погасло. Но надобности в ней, как оказалось, уже не было. Помещение библиотеки было заполнено ярким светом, хотя остальной дом оставался погруженным в темноту. Вокруг громоздкого резного стола равномерно размещались семь черных свечей, струящих ослепительный свет. Я собрался с силами, прежде чем решился взглянуть на лежащее на столе тело. Джон Гримлен не вызывал особой симпатии при жизни, а в смерти стал вызывать просто ужас. Да, ужас, несмотря на то, что лицо его милосердно прикрывал край шелковистой мантии, расшитой дивным узором из многоцветных птиц. Она же покрывала все его тело, оставляя открытыми лишь скрюченные, похожие на когтистые лапы руки и иссохшие обнаженные ступни.

– Бог мой! – растерянно шепнул Конрад. – Что здесь происходит? Ведь я перенес тело на стол и установил свечи, но не зажигал их! И я не знаю, откуда взялась эта мантия. И я точно помню, когда уходил, – на ногах оставались домашние шлепанцы!

Он замолчал, вдруг заметив, что мы были не одни в комнате, где царил смерть. Мы не заметили его сразу, он практически сливался с тенями, отбрасываемыми старинными

гобеленами на глубокую нишу, где незнакомец удобно расположился в огромном кресле с подлокотниками. Наши взоры встретились с немигающим взглядом раскосых янтарных глаз. Состояние мое стало крайне нервным, ощущение тошнотворной тяжести появилось в желудке. Взгляд этого человека завораживал... Наконец он поднялся и грациозно поклонился в манере, свойственной жителям Востока. Теперь я никак не могу воскресить в памяти его четкий облик, мне совершенно не удастся представить черты его лица. Но взгляд пронзительных золотистых глаз и причудливую желтую мантию я запомнил навсегда.

Иногда тело действует абсолютно автоматически, и мы машинально поклонились в ответ, на мгновение забыв о странности ситуации. И услышали мягкий отчетливый голос:

– Рад приветствовать вас, господа. Прошу простить, но я позволил себе зажечь свечи, ожидая вас. Полагаю, нам необходимо продолжить церемонию в честь нашего общего друга.

Изящным движением он указал на распростертое тело. Конрад в ответ молча кивнул. Видимо, этому человеку в свое время Гримлен тоже вручил запечатанный конверт, одновременно подумали мы. Оставалось неясным, как ему удалось прибыть в дом Гримлена так быстро. И потом, мы полагали, что о кончине Старого Джона знали только мы, ведь он умер не более двух часов назад. Да и дом был заперт и закрыт

на засов, как же получилось, что незнакомец сюда проник? Представляю, насколько гротескной и нереальной казалась эта сцена. Нам даже не пришло в голову, что мы не спросили имени незнакомца и не отрекомендовались сами. А он уверенно стал распоряжаться, отдавая приказания негромким, уважительным тоном. Мы невольно подчинились, двигаясь как во сне под впечатлением фантастичности и ирреальности происходящего. Мне было велено встать по левую сторону стола, отягощенного ужасной ношей. Напротив находился Конрад, пытавшийся за напускным спокойствием скрыть свои истинные чувства. Со свойственной восточным людям бесстрастностью неизвестный стал со скрещенными на груди руками во главе стола. Он стал на место, предназначенное в письме Конраду, но у нас не возникло сомнения, что он имеет на это неоспоримое право. Я не мог отвести взгляда от черной шелковой вышивки на груди необычного облачения пришельца с Востока. Диковинная эмблема напоминала не то фазана, не то летучую мышь, не то расправившего крылья дракона. Присмотревшись, я с непонятым испугом заметил, что не разноцветные птицы, а подобные же фигуры украшают мантию, наброшенную на труп.

В комнате с наглухо занавешенными окнами и плотно запертой дверью приторно пахло благовониями. Дрожащей рукой Конрад открыл внутренний конверт и расправил хрустнувшие листы пергамента, хранившиеся в нем. Судя по виду пергамента, он был изготовлен и исписан значительно рань-

ше, чем тот, что содержал указания Конраду. Мой спутник приступил к чтению, произнося слова в монотонной манере, невольно погружающей слушателей в гипнотическое состояние. Пламя свечей временами тускнело у меня на глазах и спивалось в расплывчатое серое марево, я впал в состояние между сном и обмороком.

Время, пространство, люди рядом со мной потеряли свои очертания и законченность. Я не различал слов, произносимых Конрадом, и воспринимал их как какую-то тарабарщину, но самый звук и архаика речи внушали мне неодолимую тревогу и беспокойство.

«Именем Безымянного, я, Джон Гримлен, добровольно приношу клятву выполнить условия сего договора. Поручкой тому отныне моя кровь, коей пишу слова, изреченные мне в зловещей палате Безмолвия мертвого города Кот, куда попередь меня не вступал ни один смертный. Над телом моим в назначенный час оные слова да прочтутся, дабы исполнилась моя часть договора, в чем и подписуюсь по доброй воле и будучи в здравом рассудке. 1680 год от Рождества Христова».

Ниже шел текст собственно заклинания:

«Упреждая человека, явлены Старейшины, владыка оных бысть и поныне середь теней, в кои шагнув единожды, не обретет пути назад ни един смертный».

Слова перешли в дикую бессмыслицу, чужой варварский язык с трудом давался Конраду, и он постоянно запинаясь, читая письмена, отдаленно напоминающие финикийские

диалекты, но с оттенком столь древним, что вряд ли существовала возможность определить принадлежность к одному из современных наречий.

Мигнула и погасла одна из черных свечей. Я решил зазечь ее, но властный жест прищельца с Востока буквально приковал меня к месту. Он на мгновение отвел взгляд горящих глаз от распростертого тела и опять отрешенно застыл.

Голос Конрада окреп – рукопись далее написана была на староанглийском:

"...О, Темный Повелитель, лицо коего сокрыто, даруй смертному, что достиг черных цитаделей потерянного града Кот, согласно уговору богатство и знания без счета, продли его жизнь на срок долгий – на две сотни пятьдесят лет".

И опять зазвучала гортанная чужая речь. Еще одна свеча погасла. Комната теряла очертания, в воздухе сгустились какие-то сумеречные тени, струящийся дымок свечей нес душный запах сладковатых благовоний, в мозгу оттаивали древние слова:

«...Пламя Ада овладеет тобой в час расплаты, когда придет твой черед. Не дрогни, смертный! Непреклонен Князь Тьмы, ибо берет принадлежащее ему по праву. Да будет отдано, что обещано! Ауганта не шауба...»

Ледяная рука ужаса сжала мое сердце при последних звуках загадочной речи. Я не мог отвести взгляда от пламени свечей и принял как должное, когда погасла следующая из них, хотя даже легкий сквозняк не проникал через тяжелые



портьеры. Легкая улыбка тронула губы чужестранца, от глаз же веяло холодом бездны. Конрад сглотнул и судорожно провёл рукой по горлу, а затем продолжил:

«...Странные тени скользят среди сынов человеческих. Узрев следы когтей, люди не могут узреть ноги, что их оставили. Осенены чернотой крыльев души людские. Изначально имя Черного властителя, но недоступно уху смертных, и зовут они Его в своем ничтожестве по-разному: Сатана – Вельзевул – Алполеон – Ариман – Малик Тоус...»

Ледяная волна страха окатила меня и, казалось, коснувшись пламени очередной свечи, загасила его. Все отдалилось, и издалека смутно слышалось бормотание Конрада, сливаясь, невнятно звучали слова то на английском, то на странно пугающем языке, природа которого оставалась вне моего понимания. Страх лишил меня привычного мировосприятия, и ощущения обострились до предела. Я физически чувствовал, как сгущается сумрак вокруг нас и как немеют мои члены по мере того, как одна за другой гасли свечи. Не в силах пошевелиться, широко открытыми глазами я буквально впился в единственную горящую свечу. Я испытывал безотчетный страх при виде стоящего во главе стола пришельца с Востока. Он безмолвствовал и оставался недвижим, но глаза... Глаза под набрякшими веками горели дьявольским торжеством, злобный восторг таился за его бесстрастной внешностью – но что было тому причиной? Внутренняя уверенность подсказывала: лишь исчезнет пламя последней свечи,

и крошечный мрак заполнит библиотеку, наступит кошмарный финал этой жуткой сцены. Видимо, Конрад читал заключительные строки, и голос его окреп, поднимаясь в кресендо. Развязка приближалась.

«...Миг платежа настанет ныне. Заслонят небо воронье и летучие мыши. Звездами мерцают пустые глазницы мертвецов. Да взято будет обещанное! Тело и душа твоя не обратятся в прах и стихии, из коих возникает жизнь...»

Пламя последней свечи дрогнуло. Охватившее меня оцепенение лишило воли, в отстраненном затуманенном сознании образы мешались, и рассудок, как за последнюю надежду, цеплялся за слабеющий огонек.

«...Пора платить, бездна разверзлась. Колеблется свет, сгущаются тени. Добро есмь зло, свет есмь тьма. И упованья есмь горький Рок».

Эхом разнесся по комнате гулкий стон. Звук шел из-под мантии, покрывающей бранные останки на столе. Но это еще не все: мантия судорожно дернулась!

«...О крылья в черной мгле!»

Слабый шелест прозвучал в сгустившемся мраке. Я вздрогнул – последняя свеча еле мерцала. Казалось, что мы слышим шорох развернувшихся гигантских крыльев.

«О красные глаза тьмы! Обещанное и скрепленное кровью завершено! Жизнь поглощена мраком! Закрыты врата града Кот!»

Погасла и последняя свеча. Гнетущую тишину прорезал

дикий вопль, в котором не было ничего человеческого. И тут же к нему присоединились наши с Конрадом не менее пронзительные крики. Сильнейший порыв ветра отбросил вверх портьеры, что-то чудовищно громадное ворвалось в комнату, с грохотом опрокидывая тяжелые шкафы с книгами, посыпались, разбиваясь, безделушки. Невыносимая вонь на миг обожгла наши ноздри, и во мраке зазвучал тихий язвительный смех.

Мертвая тишина окутала нас давящим саваном. Наконец-то я смог двигаться и попытался помочь Конраду отыскать свечу. Ему это удалось, и он зажег ее. Слабое пламя метнулось, освещая царящий беспорядок, наши собственные бледные лица и... О ужас! Огромный стол черного дерева был пуст! Из запертого, с закрытыми окнами дома неизъяснимым образом исчез труп Джона Гримлена и с ним таинственный пришелец с Востока!

Мы ринулись к двери, взломали ее и понеслись вниз по лестнице, непрерывно вопя, как одержимые. Пролетев, спотыкаясь и наталкиваясь на стены, нижний коридор, мы, мешая друг другу, стали снимать засовы и вдруг ощутили сильный запах горящего дерева. Сквозь мрак пробивалось зловещее мерцание, послышался треск рвавшегося за нами пламени. Парадная дверь поддавалась нашей яростной атаке – мы выскочили под светлеющее предрассветное небо. Мелкие камешки градом сыпались из-под наших ног, когда мы улепетывали по дороге ведущей с холма. Нас сопровождал

рев взметнувшихся вверх огромных языков пламени. Конрад оглянулся и вдруг застыл, резко схватив меня за рукав. Рука его указывала на что-то над головой.

– Гримлен двести пятьдесят лет назад продал и душу, и тело дьяволу! Малик Тоус явился в час расплаты! – выкрикивал Конрад. – Ночь платежа! Это была ночь платежа! Господи... взгляни! Сатана получил свое!

Остолбнев от ужаса, я посмотрел туда, куда он указывал. С пугающей быстротой пожар охватил громаду дома, и стена багрового адского пламени четко выделялась на фоне неба. Языки огня почти касались кружащейся над ними гигантской черной тени, напоминающей то ли диковинную птицу, то ли кошмарных размеров летучую мышь, то ли расправившего крылья дракона, и с изогнутых когтей свисал белеющий небольшой предмет, похожий на безжизненное человеческое тело. Оторопев, мы стояли и смотрели, как в клубах дыма исчезает фантастическое видение, и вдруг земля задрожала под нашими ногами, а стены дома содрогнулись, и пылающая крыша обрушилась. Взметнулся сноп искр, и пристанище неведомых сил перестало существовать.